

Хореографы кланялись в черном

Серию премьер декабря Мариинский театр начал балетами современных хореографов

Ирина Губская
Санкт-Петербург

Мариинка давно заявила по-иск новых хореографов как приобретет репертуарной политики. Давным-давно Олег Виноградов открыл для экспериментальных работ Театр камерного балета, организовав малую труппу. Новое руководство ликвидировало это «приложение» и стало искать хореографических авторов для основной труппы. Одним из первых «варигов» был Хосе Антонио с «Гойя-дивертиментом» для Фаруха Рухиматова. Затем — один из ведущих хореографов академического направления Евгений Панфилов с «Весной священной», артист кордебалета и студент балетмейстер Вагановской академии Алексей Мирошниченко («Свадебка»), Алексей Ратманский сделал три короткометражки на музыку Стравинского, Хачатуряна и Скрябина. Но и его балеты не стали классическими и быстро пропали из репертуара. Мариинский балет переключился на проверенных временем Вагановича и Ролана Пети.

Прошлый сезон шел оживленное. В первом международном фестивале балета приглашенные звезды показались и в современной хореографии. Мариинка получила заветное новшество: три одноактных опуса Джона Ноймайера. «Щелкунчик» решил проблему нового полнометражного балета. Правда, главным автором спектакля был Михаил Шейкин, и говорить о современной хореографии в связи с этой работой оказалось как-то неловко. Постановки Мауро Бигонзетти, объявленные в афишах, так и не увидели света. Зато появились балеты советских хореографов на музыку Шостаковича, в свое время новые пути как раз и обозначившие.

И наконец — вечер постановок молодых хореографов. Перформанс в репертуаре академического театра (балеты показывали только два вечера) объясним отсутствием гарантий того,

Независимая - 2001 - 6 зен - с. 8.

Опус Кирилла Симонова «Come in!» танцуют, поглядывая на часы. Фото Натальи Разиной

что новые постановки и имена задержатся в афише. Принцип появления именно этих имен руководство балета объяснить не могло. Можно предположить, что иностранец Анжелов — результат общения Мариинского балета с Фондом Балanchina, а другой гость, Пепарини, — работы с Бигонзетти и Роланом Пети. А Кирилл Симонов — собственный автор. Но и только. Случайной выглядела и программа.

В «Last Horizon» Владимир Анжелов (США) показал себя подражателем Балanchina. «Отражения» Индры Рейнхольде (Латвия) отражали много влияний, но воспроизведенных вполне корректно, отчего могли претендовать на собствен-

ную танцевальную концепцию. Хореография Светланы Ануфриевой (Россия) несла неизгладимую печать обучения в Петербургской консерватории — незрелость хореографической мысли. «Нежно, с огнем» — тип курсовой работы, когда постановщик слышит не оркестр, а только концертмейстера. Кирилл Симонов, хореограф швейцарского «Щелкунчика», в «Come in!» представил нечто похожее на послесловие к нему. Уродливости как знания и атмосфера усредненности — своеобразный симоновско-шейкинский вариант неоекспрессионизма. Солисты неотличимы от кордебалета, мужской и женский танец отменены пластикой унисекса. После серых ше-

реин балет «Луду» Джулиано Пепарини (Италия) выглядел невероятно зрелищным. Так смотрятся обычно постановки Ролана Пети, с которыми работает Пепарини. Объединило хореографов этого вечера то, что все они говорили словно не на родном, а на выученном языке.

В итоге в творческий актив артиста есть что записать лишь Ирине Голуб. Труппа ничего не приобрела, используя наработки из прежнего репертуара для исполнения более или менее связанных танцев, напоминающих более или менее известные произведения более или менее известных хореографов.

Хореографы выходили на поклон, как один, в черном. ■